

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 42—47.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 3. P. 42—47.

Научная статья

УДК 821.112.2.09"18"

DOI: 10.46726/И.2024.3.5

РОМАНТИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В НОВЕЛЛЕ Т. ШТОРМА «ИММЕНЗЕЕ»

Елена Робертовна Кирдянова

Московский Международный университет, г. Москва, Россия, rober70@mail.ru

Аннотация. Предметом исследования в статье является проблема специфики метода Теодора Шторма. Она остается актуальной и представляет новизну, связанную с неоднозначностью его метода, использованием романтической эстетики и сочетанием лирического и эпического характеров в его произведениях. Объектом стали романтические элементы в новелле «Иммензее», анализ которых позволяет прояснить соотношение различных художественных систем у Шторма. Используя характерный для романтизма конфликт между героем-энтузиастом (Рейнгард) и филистером (Эрих), автор решает его в реалистическом ключе. В исследовании обращается внимание на сходство и отличие трактовки характера Рейнгарда с романтической концепцией. В образе Рейнгарда проявляется такая яркая романтическая черта, как стремление к мечте. Характер мальчика-Рейнгарда сочетает черты мальчика-старика, превращаясь в образ мудрого ребенка и трансформируясь в основной тип романтического героя — героя-бунтаря. Однако Рейнгард не является активным бунтарем, его намерения остаются лишь словами, и его стремления не перерастают в реальные действия. Таким образом, его геройство выражается скорее в томлении по недостижимой и далекой мечте, что является особенностью романтической эстетики. В структуре повествования «Иммензее» играют важную роль различные фольклорные мотивы и аллюзии, которые связываются с романтической традицией. В целом исследование указывает на то, что в романтической литературе архетипические образы и символы женственности играют важную роль в выражении идеалов, мотивов и ассоциаций. Цветочные метафоры и сказочно-мифологические образы прядения помогают создавать атмосферу волшебства, недостижимости и таинственности, что характерно для романтизма. Эти образы и символы служат не только декоративной функции, но и помогают раскрыть глубинные психологические, духовные и эстетические аспекты литературных произведений.

Ключевые слова: романтизм, новелла, фольклорные мотивы, миф, реализм, Т. Шторм

Для цитирования: Кирдянова Е.Р. Романтические элементы в новелле Т. Шторма «Иммензее» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 42—47.

Проблема специфики метода Теодора Шторма является на сегодняшний день одной из актуальных и не решённых в штормоведении. Связано это, прежде всего, со спецификой немецкого реализма второй половины XIX века. Реализм, завоевавший художественное пространство в основных мировых литературах, в Германии имеет очень нечёткие и своеобразные черты. А.С. Дмитриев так характеризует сложившуюся ситуацию: «хотя в немецкой литературе

до расцвета творчества братьев Манн и возникли отдельные явления реализма, однако, ни произведения В. Раббе, А. Штифтера или высоко одарённого новеллиста Т. Шторма (своеобразный вид лирико-психологического реализма, очень близкого к романтизму) не дают основания говорить о направлении немецкого критического реализма, сколько-нибудь близкого по своему масштабу и художественно-эстетическому качеству реализму Англии и Франции этих десятилетий» [История зарубежной...: 23].

Разброс мнений в решении вопроса о методе Шторма широк, но преобладает точка зрения, что это своеобразная модификация реализма. Разночтения начинаются там, где речь заходит об элементах, доказывающих указанное своеобразие — о приёмах и о художественной концепции. Как справедливо отмечает А.С. Бакалов, в «различении “очевидного” (das bloß Handgreiflichste) и “истинного” (das Wahre) и была заключена основная проблема реалистической эстетики, обусловившая в том числе и неоднородность немецкого реализма XIX в.» [Бакалов: 83].

Определение метода Т. Шторма как «поэтического реализма», предложенное А. Бизе [Biese] в начале века, не утвердилось как безусловное ни в отечественном, ни в западноевропейском литературоведении. Однако «поэтическая» составляющая художественной манеры Шторма общепризнана. В данном случае речь идёт не только об особом мировосприятии, но и о приёмах и формах сочетания лирического и эпического в новеллах Шторма [Fasold; Goldamer]. Так же в западном литературоведении широко распространено стремление рассматривать творчество Т. Шторма в рамках так называемого «бюргерского реализма» [Grimm; Martini; Kunz; Klein].

В то же время одной из особенностей художественной манеры Шторма является использование им романтической эстетики. Примером может служить новелла «Иммензее», в которой рассказывается об одиноком человеке — Рейнгарде, которого в юности оставила невеста (Элизабет), предпочтя ему более выгодную партию с его другом (Эрих). Основной конфликт новеллы реализуется писателем через ставшее традиционным в романтизме противопоставление энтузиаста и обывателя, филистера. Воплощение этого противопоставления — образы Рейнгарда и Эриха. Атрибутами характера энтузиаста в образе Рейнгарда являются его особая мечтательность, порывистость, творческие задатки. Мотив, формирующий ядро образа Рейнгарда, — чуждость, непохожесть, нездешность, прямо указывает на его романтические истоки. В отличие от него, Эрих — по-хозяйски суетлив, практичен.

В то же время существенным отличием трактовки характера Рейнгарда от романтической является отсутствие мотивов порыва к бесконечному, проникновения в божественный замысел.

Такая яркая романтическая черта в образе Рейнгарда, как стремление к мечте, проявляется в нескольких последовательных звеньях повествования, выстроенных в хронологической последовательности и воплощающих динамику изменения мотива мечты: детство — мечта уехать с Элизабет в Индию; юность — символический эпизод сбора земляники и беседа с девушкой, где он говорит ей: «У меня есть тайна, чудесная тайна!» (71)* (эта тайна — любовь к Элизабет и желание быть с ней); и в зрелости — приезд Рейнгарда в усадьбу

---

* Здесь и далее текст новеллы цитируется по изданию: Шторм Т. Новеллы: в 2 т. Т. 1. М., 1965 с указанием в скобках страниц.

«Иммензее» и приглашение им Элизабет пойти собирать землянику, на которое, правда, он получает отказ.

Реализация этого мотива на первой стадии представляет собой сочетание в характере мальчика-Рейнгарда черт мальчика-старика, который, как указывает О.Б. Вайнштейн [Вайнштейн: 393], в творчестве романтиков (Вордсворта, Новалиса и др.) трансформируется в образ мудрого ребёнка и основной тип романтического героя — героя-бунтаря. Однако герой Шторма не представлен как действительный и бунтарь, он риторичен по своей сути, и намерения его не перерастают в свершения. Таким образом, можно говорить о специфическом состоянии героя — томлении по мечте, недостижимой и далёкой, что также является атрибутом романтической эстетики.

Немалое значение в структуре «Иммензее» имеют различные фольклорные мотивы и аллюзии, которые преломляются в русле романтической традиции. Например, Элизабет предстаёт в начале повествования как «царица лесная» и постепенно трансформируется в «Прекрасную Даму». Романтики широко использовали аллюзии этого средневекового образа, в нём они видели проявление «вечной женственности», в которой воплощалось их представление об идеальной, чаще недостижимой мечте. Наиболее близкие ассоциации устанавливаются с образом возлюбленной Генриха фон Офтердингена (Новалис «Генрих фон Офтердинген»), символически воплощённом в *голубом цветке*, и образом Розалии из романа Э.Т.А. Гофмана «Элексиры сатаны».

Типологическое сходство поддерживается «цветочными» метафорами: голубой цветок у Новалиса, роза у Гофмана, белая водяная лилия у Шторма. Голубой цветок, ставший всеобъемлющим символом романтизма, концентрировал в себе несколько концептуальных составляющих: 1) женское начало как выражение творческих потенций мироздания, скрытых от сознания и души нетворческого человека; 2) недостижимая мечта; 3) божественная возлюбленная, так же недостижимая, как мечта. В образе Розалии, в соответствии с особенностями мировосприятия Гофмана, в большей степени выражены мотивы борьбы плоти и духа в религиозном, христианском смысле. В образе Элизабет (через символику белой лилии) реализуется идея недостижимости.

Все рассмотренные составные элементы женских образов, в которых сочетаются мотивы лесной царицы, Прекрасной дамы и цветочные символы восходят к архетипическому мотиву «женитьбы на царевне», который имел широкое распространение в волшебной, бытовой сказке, рыцарском романе и также заимствовался романтиками. В новелле Шторма «Иммензее» в лейтмотивном комплексе образа Элизабет эта архетипическая модель «просвечивает» сквозь авторскую модель мировосприятия и притягивает многие ассоциативные связи.

Создавая образ Элизабет, Теодор Шторм использует пересечение и наложение вспомогательных образов, каждый из которых, имея свою линию (очень ограниченную в рамках новеллы), функционально и семантически подчинён образу Элизабет, например, образ матери Элизабет. Он вводится Штормом завуалировано, первоначально внимание на нём не фиксируется. Однако он оказывается неясным двигателем сюжета, причиной всех перипетий действия.

Образ матери вводится сказкой о трёх пряхах: либо посредством упоминания самой сказки, либо упоминания о том, что мать прядёт («уже в половине десятого моя мама теперь отставляет в уголок свою прялку...») (63) или «Вокруг царил солнечная послеобеденная тишина; лишь доносилось жужжание веретена...» (69)).

В сказке, записанной братьями Гримм, три пряжи выполнили за девушку её работу — перепряли три комнаты, наполненные шерстью. Принц, который и поставил условие девушке, посчитал её трудолюбивой и женился на ней. Чаще всего такие сказки имеют следующую сюжетную схему: тот, кому оказана услуга, не отблагодарил помощника или нарушил договор (в сказке о пряжах договором было приглашение пряж на свадьбу). За нарушением следует расплата — помощники раскрывают хитрость неблагодарного — отвержение-испытание (изменение героя в лучшую сторону) — подтверждение его силы через самостоятельное выполнение заданий.

Однако в случае со сказкой о трёх пряжах такого сюжетного развития нет и всё заканчивается благополучно, девушка выполняет своё обещание, и её тайна не раскрыта. Это не волшебная сказка, по своим чертам она ближе к бытовой сказке. В связи с этим в ней отражается какая-либо житейская ситуация, в которой заключена мудрость. «Мудростью» в данном случае будет *находчивость девушки, не растерявшейся перед трудновыполнимой задачей и добывшей себе жениха* (по классификации мотивов волшебной сказки В.Я. Проппа это мотив «ликвидация недостачи»).

В волшебной сказке на помощь героям приходят волшебные помощники. В сказке «Три пряжи» рудиментом волшебности помощников является необычный внешний вид пряж: у одной большая губа, у другой — нога, у третьей — палец.

Ассоциативный ряд мотива пряж восходит к античной мифологеме и связан с такими мифологическими образами, как мойры (греч.) или парки (рим.). Мойры — богини судьбы, их имена — Лахесис («дающая жребий»), Клото («прядущая»), Атропос («неотвратимая»). Собственно, прядёт нить жизни Клото, Лахесис назначает жребий до рождения, а Атропос приближает будущее.

При сравнении мифологического и фольклорного вариантов видно сходство семантических доминант: в том и другом случае от пряж зависит судьба человека. Таким образом, через мотив прядения (пряжи) в новеллу вносится *мотив судьбы*. Персонифицированным выразителем этого мотива является образ матери Элизабет. Она действительно направляет и решает судьбу Элизабет, что подтверждается стихотворением «Мне приказала мать...».

Наложение сказочно-мифологического и авторского образов и мотивов даёт интересный эффект: в образе матери сочетаются функции помощницы (мать постоянно следует за дочерью и не расстаётся с ней) и судьбы (она управляет её решениями). Решающая коннотация лейтмотива дана в песне «Мне приказала мать...»: «На мать свою пеняю / Её я обвиняю...» (79). Так образ матери обретает черты «злой матери» или «мачехи», в арсенале которой распространён мотив *изведения* дочери, падчерицы.

Образ матери компенсирует сюжетную слабость образа Элизабет и добавляет ему недостающих мотивировок поступков, состояний. Впрочем, мотивировки эти внешние, что не делает образ Элизабет более полнокровным с точки зрения реалистического типа художественного мировосприятия.

Таким образом, можно заключить, что в новелле «Иммензее» представлен романтический по своей сути конфликт между мечтой и действительностью, реализующийся через множество романтических приёмов. Однако одновременно следует отметить полное отсутствие мотивов исключительности и подчеркивание обычности, типичности описанной ситуации и характеров героев, что говорит о приверженности реалистической эстетике. Исходя из этого, мы можем сделать вывод о смешанном типе художественного сознания Теодора Шторма в рассмотренном произведении.

Список литературы / References

- Бакалов А.С. О становлении немецкого реализма // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2021. Т. 23, № 77. С. 81—90.
(Bakalov A.S. On the Emergence of German Realism, *Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Social Sciences, Humanities, Medical and Biological Sciences*, 2021, vol. 23, no. 77, pp. 81—90. — In Russ.)
- Вайнштейн О.Б. Индивидуальный стиль в романтической поэтике // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М., 1994. С. 392—430.
(Vajnshtejn O.B. Individual style in Romantic poetics, *Historical Poetics. Literary epochs and types of artistic consciousness*, Moscow, 1994, pp. 392—430. — In Russ.)
- История зарубежной литературы XIX века: в 2 ч. Ч. II. / под ред. А.С. Дмитриева. М.: МГУ, 1983. 544 с.
(History of Foreign Literature of the 19th Century: In 2 Parts, pt. II, ed. by A.S. Dmitriev, Moscow, 1983, 544 p. — In Russ.)
- Biese A. Th. Storm. Zur Einführung in Welt und Herz des Dichters, Leipzig, 1922, 220 S.
- Fasold R. Die Rezeption der Dichtung Theodor Storm in Zeitungen, Zeitschriften und buchmonographischen Veröffentlichungen zwischen 1850 und 1890, Diss. Leipzig, 1983.
- Goldamer P. Theodor Storm. Eine Einführung in Leben und Werk, Leipzig, 1980, 225 S.
- Grimm G. “Ein Doppelgänger” (1886). Soziales Stigma als modernes Schicksal, *Dunkler H. (Hg). Romane und Erzählungen des Bürgerlichen Realismus. Neue Interpretationen*, Stuttgart, 1980, S. 325—346.
- Häntzschel H. “Das quälende Rätsel des Todes”. Zu Theodor Storms Gedichtereihe „Tiefe Schatten“, *Häntzschel G. (Hg). Vom Biedermeier zum Bürgerlichen Realismus*, Stuttgart, 1983, S. 360—371.
- Klein J. Geschichte der deutschen Novellen von Goethe bis zur Gegenwart, Wiesbaden, 1954, 611 S.
- Kunz J. Die deutschen Novelle in 19. Jahrhundert, Berlin, 1970, 178 S.
- Martini F. Deutsche Literatur im bürgerlichen Realismus 1848—1898, Stuttgart, 1974, 1044 S.

IN T. STORM'S NOVELLA “IMMENSEE”***Elena R. Kiryanova***

Moscow International University, Moscow, Russian Federation, rober70@mail.ru

Abstract. The subject of the research is the problem of the specifics of the Theodor Storm method. It remains relevant and represents the novelty associated with the ambiguity of his method, the use of romantic aesthetics and the combination of lyrical and epic characters in his works. The object was the romantic elements in the novel “Immensee”, the analysis of which makes it possible to clarify the relationship of various artistic systems of the writer. Using the conflict characteristic of romanticism between the hero “enthusiast” (Reinhard) and philistine (Erich), the author solves it in a realistic way. The study draws attention to the similarities and differences between Reinhard's character interpretation and the romantic concept. Reinhard's image shows such a vivid romantic trait as the pursuit of a dream. The character of the Reinhard boy includes the features of an old man, turning into the image of a wise child and transforming into the main type of romantic hero - a rebel hero. However, Reinhard is not an active rebel, his intentions find their expression only in words, and his aspirations do not develop into real actions. Thus, his heroism is expressed in longing for an unattainable and distant dream, which is a feature of romantic aesthetics. Various folklore

motifs and allusions that are associated with the romantic tradition play an important role in the structure of the Immensee narrative. In general, the study indicates that in romantic literature, archetypal images and symbols of femininity play an important role in expressing ideals, motives and associations. Floral metaphors and fabulous mythological images of spinning help to create an atmosphere of magic, inaccessibility and mystery, which is typical for romanticism. These images and symbols serve not only a decorative function, but also help to reveal the deep psychological, spiritual and aesthetic aspects of literary works.

Keywords: romanticism, short story, folklore motifs, myth, realism, T. Storm

For citation: Kirdyanova E.R. Romantic Elements in T. Storm's novella "Immensee", *Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2024, iss. 3, pp. 42—47.

Статья поступила в редакцию 09.01.2024; одобрена после рецензирования 01.02.2024; принята к публикации 28.06.2024.

The article was submitted 09.01.2024; approved after reviewing 01.02.2024; accepted for publication 28.06.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Кирдянова Елена Робертовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук, Московский Международный университет, г. Москва, Россия, rober70@mail.ru

Kiryanova Elena Robertovna — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor at the Department of Humanities, Moscow International University, Moscow, Russian Federation, rober70@mail.ru